

РИМСКИЕ ЦИФРЫ

МИХАИЛ БЛЕХМАН

Михаил Блехман

Римские цифры

«ИП Стрельбицкий»

Блехман М.

Римские цифры / М. Блехман — «ИП Стрельбицкий»,

Второй роман дилогии о семье Блехманов. В нем говорится об их жизни в украинском селе на Полтавщине в начале 50-х годов XX века, где Клара работает адвокатом, а Самуил - врачом. У них подрастает сын Миша, для которого родным становится украинская культура. Этот роман - своеобразный гимн Украины, в нем, как и в "Отражение", речь идет о главных вопросах человеческого бытия.

Содержание

I	7
II	9
III	10
IV	12
V	14
VI	18
VII	20
VIII	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил Блехман

Римские цифры

Наде

*Вот три удара, словно пенье
Далёкое – колоколов...
И я, чтоб задержать мгновенье,
Их сковываю цепью слов.*

Зинаида Гиппиус

*Мы были как бы сплетены в гирлянду.
Хулио Кортасар*

Если не убирать лицо от поглаживающих щёки звёздочек, спускающихся к тебе с простывшего неба, почувствуешь, что ты не один. Точнее, не одинок, даже когда один. А звёздочки покажутся лепестками, которые кто-то обрывает и бросает сюда, вниз, и они гладят по щекам, ненавязчиво и нескончаемо. И просят, приговаривают:

«Не откладывай перо, не захлопывай блокнот. Продолжай».

Это говорит она, это её голосом говорят со мной тёплые зябкие звёздочки.

«Но я совсем не всё помню и ненамного больше знаю», – пробую оправдаться.

Настойчиво возражая, они покачивались на медленном лету, словно многочисленные собеседники покачивают головами:

«То, что было тогда, отразится в том, что у тебя есть сейчас, чего у тебя так много... И станет тем, что ещё обязательно будет. Не бойся своего блокнота. Доверься ему. Бумага терпит не всё, тебе ли не знать, – но то, что хочешь доверить ей ты, она не терпит, наоборот – хранит».

«А вдруг я ошибусь?...»

Они как будто улыбнулись:

«Только если захлопнешь блокнот. Но ведь ты не захлопнешь?»

Она придвинула мне чернильницу:

«Вот твои любимые фиолетовые чернила. Вот ручка, ещё с тех времён, которые никогда не вспомнить, если однажды вдруг забыть... Но ведь ты не забыл?»

Я взял подаренный мне блокнот со стула, который всегда стоит у изголовья дивана. Обмакнул ручку в чернила, поднёс её к зеркально чистой странице. И увидел там, в этом зеркале, отражение того, о чём давно собирался рассказать. И мне уже неважно, будут ли меня слушать. Гораздо, неизмеримо важнее – рассказать.

Конечно, не захопну.

Иначе – зеркало треснет. Иначе – его некому будет починить. Иначе – не расскажу то, о чём не забыл и не забуду.

Конечно, не забыл. Расскажу всё как было, пусть даже было немного не так. Отражение потому и называют отражением, что оно всего лишь похоже на оригинал. Даже – если очень похоже.

Дорогие мне римские цифры помогут мне, они обещали.

Любимые фиолетовые чернила и не менее любимые зеркальные страницы не подведут меня. И я постараюсь не подвести их – и тех, о ком рассказываю.

Знаю, что не подведу.

Важнее, чем знаю, – верю.

I

Самуил снова вернулся из мединститута намного раньше: на этот раз, конечно, отменили лекцию профессора Каца.

– Правильно поставленный диагноз, – говорил профессор Кац, – это на 90 % положительный результат. В остальных 10-ти – медицина, то есть мы с вами, бессильна. А неправильный диагноз – это на 90 % отрицательный результат. Остальные 10 приходится на большое, незаслуженное нами, но заслуженное пациентом везение.

– Интересно, – Самуил чуть не плюнул с досады, швыряя портфель и темпераментно разуваясь, – лечение тоже отменяют? Может, и больницы, и поликлиники? Тогда я им тоже не понадобится? Затушуют нас вместе с Кацем, как в школьных учебниках заставляли закрашивать, чтоб неповадно было.

– Не исключено. – усмехнулся Владимир Фёдорович. – Начальство ведь имеет тонкие виды.

Мария Исааковна вспыхнула:

– Прикуси язык, Петкевич! Тебя только нам не хватало!

– Зачем кусать? Может, лучше перекусим? – как всегда примирительно, предложил Владимир Фёдорович. – Сегодня отменили занятия, завтра отменят отмену. Не голодать же нам из-за них. А чтоб отменить больницы – это как же им самим нужно заболеть, и на какое место?

– Повыздыхают все! – рявкнул Самуил.

Кларе всё же удалось успокоить его – чтобы Кларе не удалось?

– Боялись, что он кого-нибудь из них отравит, – заметила она. – А что ещё остаётся с такой-то фамилией! Она для них – хуже любой отравы. Когда они её слышат, лица становятся похожими на недоеденный лимон.

Самуил согласился, что диагноз поставлен правильно.

На коммунальной кухне дожаривались котлеты и уже настаивался борщ. Самуил поцеловал Клару и Мишу – «Привет, рыжий!» и пробурчав «Вроде всех уже затушевал, так нет же, оказывается, остались ещё на свою голову. И на мою тоже», – пошёл мыть руки. К счастью для соседей, особенно для Стрелковой, любивший мыться на зло всем часами, ванная была свободна.

Клара улыбнулась, заметив почти незаметную, но такую реальную связь между фотографиями, которые пришлось затушёвывать в довоенных школьных учебниках, и отменённой лекцией профессора Каца. Поставила Мишу на пол. Нельзя приучать ребёнка к рукам – вот только как самой разучиться?

Она старалась, но это оказалось намного сложнее, чем выучить латынь и Римское право. Юридический институт она закончила с отличием. Осталось закончить мединститут Самуилу и получить распределение – всем троим, конечно.

– И не вздумайте никому ничего рассказывать, Самуил, – строго сказала Мария Исааковна, когда тот вернулся из коммунальной ванны. – Отменили и отменили, мы ничего толком не знаем. Мало ли что.

– Что да, то да, – пожал плечами Самуил, – я действительно ничего толком не знаю.

– Вот именно. Мы уже столько всего пережили, что это уж как-нибудь переживём. Чтoб это было самое большое наше горе.

Самуил снова поцеловал Клару и дал Мише нечувствительный подзатыльник.

– Горе, Мария Исааковна, будет моим пациентам, если они останутся без меня.

– Почему это они останутся без вас?

– Да, Сеня, почему они должны остаться без тебя?

– Потому, что недоучкой я к ним на пушечный выстрел не подойду. Иначе они же меня и затушуют, дай им бог здоровья.

Он расхохотался, взял верхнее ля из «Вернись в Сорренто», и они пошли к столу.

Клара налила всем борща, а за окном, на заснеженной Сумской, было зябко и неуютно, ветер свистел так, как только Самуилу удавалось свистнуть несколькими пальцами.

Зиме хотелось привлечь к себе внимание всего Харькова. Она неслась какими-то немыслимыми неудержимыми восьмёрками с Шатиловки, от парка Горького, улюлюкала, выла, почти мычала, не понимая, что все её завывания и причитания не только не страшны, а просто смешны тем, кому удаётся вот такое ля. И у кого получается такой вот борщ.

II

А в марте по-настоящему похолодало.

Правда, не было сумасшедших извивающихся позёмок-восьмёрок, не было заумного заоконного улюлюканья и завывания.

Но был траурно чёрный, плоский, как дурацкая шутка, репродуктор на стене в их единственной комнате. Каркающий похуже любой вороны.

Мария Исааковна и Владимир Фёдорович ушли на работу, Самуил – в свой медицинский институт: там, как и предполагал Владимир Фёдорович, отменили отмену занятий. А Клара с Мишей остались дома.

Былое пятое марта. Мише два месяца назад пошёл второй год.

Совсем вроде бы недавно всё было хорошо. Было холодно, но терпимо, проблем хватало, но разве это были проблемы? Самая большая из них – это то, что Миша, как актёр-любитель, не знал, куда девать руки. И всё тянул в рот и жевал всё подряд, даже то, что никак не жевалось.

Вроде бы должно было хоть немного потеплеть...

Репродуктор помолчал, собираясь с духом, – и сказал, наконец, то, о чём не мог уже молчать.

И что простить ему было невозможно...

Он сказал это голосом, когда-то объявившим войну и совсем ведь недавно – Победу. Голосом, которого боялись и ждали. Не разменивавшимся по пустякам. Говорившим только то, что никто, кроме него, не осмелился бы произнести.

Он осмелился.

Репродуктор почернел от горя, собрался-таки с духом и сообщил своим прекрасным голосом последние известия. Я подумала, что они и вправду будут последними.

Клара взяла Мишу на руки, чтобы успокоить его, – вот и не приучай ребёнка к рукам, – но он не успокаивался, потому что она ведь сама плакала – как никогда...

Раньше у неё не было причин плакать, тем более – так...

Когда год с лишним назад они с Самуилом предновогодним декабрьским вечером шли в роддом и она время от времени садилась в сугробы, чтобы перевести дух, ей было больно, – но совсем не так, как сейчас... Та декабрьская боль имела смысл, и если бы у Клары были силы радоваться ей, она бы радовалась... А эта, мартовская, была дико бессмысленной и безнадежной. Хуже всего, что – совершенно безнадежной. Какой смысл в том, в чём нет надежды? Надежда – это же и есть смысл, да?...

Прекрасный голос не раз объявлял о чём-то страшном, но надежда всё равно была.

И только сейчас, только в этот жуткий, так и не ставший весенним день, надежды не было.

Клара и Миша плакали – если это можно назвать плачем. Словно вернулись, ворвались с улицы казалось утихнувшие до следующей зимы зимние стоны.

И голос в репродукторе хотел бы заплакать вместе с ними, но ему было нельзя. Он не мог позволить себе этого. Можно было только им...

А стоявший на шкафу белый бюст в генералиссимусовской форме не мигая и, наверно, словно не подозревая, что это о нём говорит чёрный репродуктор, смотрел в окно – на замёрзшую Сумскую, на продрогшую Тринклера. Старался разглядеть скрывшуюся за углом Басейную.

Смотрел – и не знал, что его уже нет.

III

Самуилу целый год оставался до конца комсомольского возраста, когда он окончил мединститут.

Он мечтал стать врачом с тех ещё пор, когда не требовали заштриховывать портреты в учебниках. Сначала просто мечтал, а потом – знал, как этого добиться. Играли с Гришкой в Ворошилова, форсировали Луганку. Уставал так, как, наверно, не уставал ворошиловский скакун после кровопролитного боя, – и мечтал всё о том же. Соседи и родители о его мечтах не знали, потому что если бы узнали, сказали бы, мол, куда конь с копыт *ом*, туда и рак с клешней.

Всё ещё пацаном, таскал на спине неподъёмные чувалы с мукой, согнувшись во все возможные погибели, нёс – да что там нёс, – пёр их на хлебопекарню, это 10 километров от мельницы. А вокруг каркали грязно-чёрные вороны, каркали, не задумываясь о войне, сметающей всё со своего пути где-то не очень уж и далеко от Аркуля, за Волгой. Каркали, накаркивая новые беды всей стране и ему заодно, предрекая, что уж кем-кем, а врачом Самуилу точно не быть. Может, кому другому, да и точно – кому угодно другому, только не Самуилу.

Ну и что, накаркали? После войны учился в ФЗО на слесаря, жил в общежитии. Раз в неделю навещал родителей – ездил к ним на трамвае на другой конец бескрайнего Харькова. Смотрел в окно полупустой или переполненной «пятёрки» на заснеженные, покрытые яблоневыми лепестками, уставшие от жары, засыпанные жёлтыми листьями, заснеженные Бассейную, Чернышевскую, Пушкинскую, проспект Сталина, Балашовку, шёл от «пятёрки» на Доброхотова и обратно, – и думал, думал, думал, что всё равно буду врачом, как бы здорово ни было быть слесарем, да ещё и 4 разряда. Сказал себе – буду, значит – всё равно буду. Да и разве самому себе сказал?

Недобрав одного балла из-за какой-то непонятно кому нужной химии, полгода проучился в мединституте вольнослушателем. Конечно, если бы не Михаил Петрович Драгончук, проректор мединститута, даже и вольнослушателем не допустили бы. Но, с другой стороны, если бы не Самуил, то и допускать было бы некого и незачем.

По ночам спал на преподавательском столе, отдавливая заострившиеся за годы войны, прохудившиеся, как потом говорили Клара, бока. Мылся ледяной водой в туалете рано утром, пока не пришли не то что студенты и преподаватели, а и уборщицы ещё не было.

Через полгода, когда какого-то маменькина сынка или маменькину дочку – это им-то предстояло бы лечить людей?! – выгнали за «хвосты», меня перевели в нормальные студенты.

И вот он теперь – врач. А впереди – Бог знает сколько всего и чего! Даже до окончания комсомольского возраста – целый бесконечный год.

Собственно говоря, врачом он был, уже когда они с Гришкой форсировали Луганку, даже раньше. И никакие вороны и маменькины детки помешать ему не могли.

То, что не остановило его, останавливало многих других – наверно потому, что они не так сильно хотели. Или, по большому счёту, не хотели вовсе. Бывает, чего-то ужасно, умопомрачительно хочется, но проходит время – и как задумаешься: неужели этого и вправду хотелось? – и оказывается, что вовсе даже и не хотелось, казалось просто. Это – если не получилось, не достиг того, чего вроде бы хотел. А если получилось – думаешь: да, хотелось, но разве – этого? Разве вот этого – могло хотеться?

У Самуила сомнений не было – ни раньше, ни тем более сейчас, когда он не только хотел лечить всех вокруг – сидящих у окошек и толкающихся в проходах всех «пятёрок» и «аннушек», ждущих на остановках, снующих по харьковским улицам, толпящихся в харьковских магазинах, – не только хотел лечить их всех, а теперь и знал, как их вылечить.

А главное – ещё главное желания и умения помочь, причём кому угодно, даже последнему идиоту или гаду, – главное – это Клара и Мишка. Без них желание, наверно, рано или поздно сошло бы на нет, а умение оказалось бы институтским, книжным, то есть бесполезным. Но они, назло всем воронам, довоенным, военным, послевоенным, ещё каким-то, – были. И значит – было всё остальное, без них не имевшее бы смысла.

Когда Михаил Петрович решился зачислить его вольнослушателем, Самуил пообещал проректору, что не подведёт. Слово он сдержал (чтобы Самуил не сдержал слова?) и стал врачом.

IV

Очередь подходила, из-за жары она была довольно длинной. Михаил Петрович почувствовался, обнял Самуила и то ли удовлетворённо, то ли удивлённо сказал:

– Слушай, Сеня, это мне кажется или ты таки набрал сальца? Правда, в разумных пределах.

Самуил рассмеялся на верхнем уровне своего коронного ля второй или какой-то там ещё октавы, которое брал играючи, когда когда-то, сто лет назад, исполнял для млеющих приятельниц или беззлобно завидующих коллег-слесарей одну из многочисленных своих неаполитанских песен:

– Если бы не Клара, вы бы, Михаил Петрович, не имели счастья благословить меня на отъезд в Верхнее. Это она меня откормила и отпоила.

Михаил Петрович улыбнулся:

– Умница, дай бог ей здоровья. Какие у вас теперь планы?

– Ёдемo разом на село. Будемо працювати у Верхньому, нам целый дом выделяют. Справжня сільська хата.

– Знаю, знаю. А ребёнок? Или оставляете на бабушку с дедушкой?

Самуил покачал головой:

– Тёща занята круглыми сутками, из командировок возвращается, только чтобы переночевать. Она у нас проектирует всякие теплостанции, я вам рассказывал. И Владимир Фёдорович тоже работает, только в командировки не ездит.

– А чем он занимается?

– Железными дорогами. Прекрасный человек, отменнейший. Чтобы ужиться с моей тещей, приходится быть отличным человеком. Кстати, мне тут Кларонька рассказала, как французы называют тестя. Не знаете?

Михаил Петрович покачал головой.

– «Бон пер» они его называют, – сказал Самуил. – Я сначала подумал, «стар пер», французского-то, к сожалению, не знаю. Но наш тесть – совсем даже не «стар» и никакой не «пер».

Он снова рассмеялся, как будто допел неаполитанский куплет.

– Да нет, Михаил Петрович, поедем втроём, конечно. Бросить пацана, да ещё и на 3 года, – это в наши планы не входит. Буде він у нас сільським хлопцем. Чтобы это было самым большим горем в нашей жизни, как говорят моя мама и тёща.

– Мне один чистый, пожалуйста, – попросил Михаил Петрович. – А тебе, Сеня?

– С вишнёвым.

Выпили не спеша – бывают дни, когда спешить некуда. Иногда – к сожалению, чаще – к счастью. Привычно посмотрели на центральную аллею Сада Шевченко, на скамейки, на которых молодые и очень молодые женщины читали книжки ещё, слава Богу, не выросшим детям, а похожие на детей мужчины играли в шахматы.

– Тебе там непросто придётся, – заметил Михаил Петрович. – Перед тобой медпунктом в Верхнем заведовал какой-то пьянчуга, развалил всё. Как у него Верхнее поголовно не вымерло, ума не приложу. Не врач божьей милостью, а эскулап чёртовой немилостью. Так что не посрами.

– Не посрамлю, Михаил Петрович, – Самуил поставил стакан на лоток, поблагодарил продавщицу. – Даю слово. Да я его, собственно говоря, ещё 6 лет назад дал, когда вы меня принимали.

Михаил Петрович улыбнулся, тоже поставил пустой стакан.

– Как Клара?

Самуил помолчал, потом ответил:

– Сейчас уже порядок, вроде бы не переживает. Что поделаешь – жить-то надо...

Институт закончила с красным дипломом.

– Кто бы сомневался! – сказал Михаил Петрович.

– Будем втроём трудиться в этом нашем Верхнем. Я буду лечить, Кларонька защищать, Мишка подрастать. А там посмотрим. Подивимось, як то кажутъ.

– Где ты освоил українську мову? – одобрительно спросил Михаил Петрович.

– Так я ж, Михайле Петровичу, закінчив українську школу в Луганську. Ще й німецьку там вивчав. Если бы пришлось лечить немца, уверен, понял бы, где у него что болит, на ноги бы поставил как миленького, сволочь такую.

– Да, если это у него лечится, – усмехнулся Михаил Петрович. – А кем Клара будет работать в вашем Верхнем?

– Адвокатом, как хотела. Она, правда, и переводчиком мечтала быть, и филологом... Но получилось, видите, только адвокатом.

Самуил снова рассмеялся.

– Думаю, обнял его за плечи Михаил Петрович, – совсем даже не «только». Адвокатом она, уверен, будет отличным, профессиональным, ну, а остальное, дай бог, за неё когда-нибудь Мишка наверстает. А профессионал, Сеня, это настоящий любитель, в отличие от любителя ненастоящего, непрофессионала. Вы оба – настоящие любители.

Случайная тучка приплыла из-за Госпрома, подмигнула и утвердительно брызнула тёплым, безобидным дождём.

V

– Хорошо у тебя, папка! – сказала Клара, усаживаясь на любимом диване. Впрочем, других диванов у Зиновия не было. – Почти как у нас. А где Берта?

– У неё сегодня рабочий день, так что я на хозяйстве, – ответил Зиновий. – Могу пообщаться с единственной дочкой, сказать что-нибудь умное, напутственное. А то ведь когда придёте официально, всем святым семейством, будет не до напутствий, вся душевная энергия уйдёт на Мишку.

– Эта энергия не уходит, – улыбнулась Клара. – Вернее, чем больше её уходит, тем больше прибавляется.

Зиновий, кивнул, потом спросил:

– Слушай, ну как вы решили насчёт садика? Есть там садик? И вообще...

Клара покачала головой – то ли беззаботно, то ли всё-таки немного озабоченно:

– По хозяйству и с Митуликом нам будет Надя Писаревская помогать. Это местная девушка, нам дали её адрес, мы уже с ней списались. Будем у неё жить, она будет готовить, за Митусей присматривать.

С пластинки Бернес пел «Тёмную ночь», а в комнате на углу Маяковской и Сумской было светло и уютно. Клара посмотрела на пластинку, вздохнула.

– Это песни усталых мужчин, а не избыточно бодрых перемерков, – заметил Зиновий. – Раз умный человек говорит, что с тобой ничего плохого не случится, значит, ему можно и нужно верить.

– Согласна, – прогнала сомнения Клара. – Хуже преуменьшения предстоящих трудностей – только их преувеличение.

– Вот, это слова моей дочери, а не выпускницы пансиона благородных девиц!

Клара рассмеялась.

– Значит, я недостаточно благородна? Или уже не дотягиваю до девицы – точнее говоря, перетягиваю? Скажи прямо, папка, экивокивание тут не годится!

Зиновий поцеловал её в густые чёрные волосы, как будто тщательно завитые, а в действительности – почти с самого рождения волнистые. Не кучерявые – так было бы всё-таки не слишком красиво, – а в меру волнистые. Впрочем, как у Клары может быть что-то в меру?

– Значит, будешь защищать невинных? – с улыбкой спросил Зиновий.

Клара поцеловала отца и не задумываясь – она ведь уже достаточно задумывалась об этом на лекциях профессора Фукса – ответила:

– И виновных тоже. *Audiatur et altera pars* – то есть да буду выслушана я. Я, папка, и есть эта самая другая сторона, и я хочу, чтобы меня слушали и слушались. А без меня так никогда и не разберутся, кто виновен: «народ, что богом камень числил, иль дивной статуи палач».

Зиновий сел в кресло, послушно и с удовольствием слушая дочь.

– Можно, конечно, казнить всех без разбору, на лобном месте. Но для этого нужна группа убийц, причём не плохих, как те, кого они убивают, а «хороших», чтобы они убивали только плохих. Ну, а мы с тобой будем доверять убийцам, будучи уверенными в том, что они всегда правы и убивают только плохих. Начальство же имеет тонкие виды, как говорят Гоголь и Владимир Фёдорович. Начальству виднее.

Зиновий пожалел, что бросил курить. Вынул пару монпансьешек из цветной жестяной коробки, которую Клара принесла ему в подарок от Владимира Фёдоровича, пососал их, подумал, потом разгрыз и съел. Наверно, это красивая жестяная коробочка придавала маленьким разноцветным леденцам особый вкус. Даже курить расхотелось, так было вкусно.

– Начальству, – задумчиво сказал Зиновий, стараясь не обрушивать на Клару всё, что когда-нибудь всё равно обрушится, – несмотря на все его тонкие виды, всегда чего-нибудь не видно и всегда чего-то не хватает. Одному – пастбищ для несметных скакунов, другому ларцов для несметных сокровищ, третьему – просто тесно, жить негде бедняге. Ну, и не жил бы, зачем же свои проблемы решать за чужой счёт?

Клара усмехнулась:

– Наверно, у него нет своего счёта, вот и приходится пользоваться чужим.

Помолчали.

– А это Верхнее, – спросил Зиновий, – что это за населённый пункт? Если глухая деревня, то зачем там адвокат?

Клара утвердительно покачала головой.

– Верхнее, папка, хоть и деревня, но только глуховатая, а не совсем глухая. Во всяком случае, я стараюсь на это надеяться, а Сеня мне в этом помогает. Всё, что ни делается, к лучшему.

– А что не делается, дочка?

– Чтобы понять, нужно сначала сделать. Ну, а что сделано, то сделано, – продолжала Клара. – Райцентр, посёлок городского, заметь, а не совсем уж деревенского типа. А я буду адвокатом районной прокуратуры.

Лицо Зиновия выразило лёгкую гордость за дочь и частично за себя.

– Это совсем другое дело, – заметил он. – А персоналии тебе уже известны? Я имею в виду не защищаемых, а начальство.

– Я выяснила (чтобы Клара не выяснила?): мой начальник – адвокат района, его зовут Никифор Фёдорович. А вот фамилию, папка, боюсь произнести.

– Что так?

– Вывести родного отца из равновесия – не только безжалостно, но и слишком легко, а вот ввести обратно – неизмеримо сложнее. Надеюсь только на твою фронтовую закалку.

Зиновий выковырял из коробки красную монпансьешку, потом, наверно, чтобы унять волнение – ещё и жёлтую.

– А именно?

– Зря ты настаивал, – вздохнула Клара. – Ну, ладно. Гнида его фамилия. Только не «Гнида» а la russe, а исконная полтавская. Гнида.

Она произнесла это «г» по-украински – как звонкое «х».

Зиновий отколупнул третью, зелёную.

– Мало ли что, – возразил он, успокаивая и Клару, и, кажется, себя тоже. – Фамилия сама по себе ничего не значит. Я вот – Стольберг, ну и что во мне от стальной горы? Ты теперь – Блехман, а на жестянщицу совсем не похожа. Или возьми династию Романовых. Одна и та же фамилия, у некоторых даже имена одинаковые, а если вдуматься, люди все – совершенно разные, даже ничего, можно сказать, общего, особенно между такими, как, например, Александр II и такой же второй, но Николашка.

Клара посмотрела на него то ли с сомнением, то ли с надеждой.

– Ты мне всё-таки так и не ответила, – Зиновий перевёл разговор на другую тему, более предметную, – тебе никогда не хотелось стать не адвокатом, а прокурором?

– Иногда хочется, – ответила Клара, почти не задумываясь. – Такое, бывает, берёт зло на всякую сявоту. Развелось её... До войны всё-таки их столько не было... А теперь, боюсь, как бы не наступила сявотская эра.

– Это у тебя возрастное, дочка! – рассмеялся Зиновий. – Раньше было лучше, сейчас стало хуже, а будет совсем ужасно – когда состаришься. Или вовсе никак не будет.

– Папка, ну ты же мня знаешь. Мне всегда хорошо. Но сявок раньше столько не было. Особенно сейчас их может развестись, как никогда.

– Ну, сязки да раклы – это явление вечное, – усмехнувшись, кивнул Зиновий. – Ты просто не сразу начала их замечать. До войны-то тебе было – всего ничего... Правда, сейчас и вправду многое изменится, но сязкам вольготнее, думаю, не будет. Ну, разве что чуть-чуть.

Он снова рассмеялся. Клара подумала, тоже кивнула и продолжила, совсем не грустно, несмотря на невесёлость темы:

– Уже стало, папка, и не чуть-чуть. Объявили всё вокруг. Посмотришь на человека: всё же есть у него, ну чего ему ещё нужно? Чего он казится? Ну был бы какой-то несчастный, голодный, ещё какой-то, а то ведь сколько сытых сязок – уму непостижимо! Бытие же должно определять сознание, а оно ведёт себя непредсказуемо, как перезрелая девица.

– Ну вот, а ты собираешься их защищать?

Клара снова недолго подумала.

– Если не будет *altera pars*, значит, сязки победили.

– Сязки по *pasaran*! – весело поднял сжатый кулак Зиновий. Другая рука в кулак не сжималась: три пальца оторвало под Сталинградом, вместе с куском рукоятки кинжала, когда они шли – вернее, бежали, мороз был жуткий, в рукопашную и он сцепился с невероятно сильным фрицем.

– Наверно, – Клара вздохнула, – есть категория людей, которым предначертано быть сязками. Как некоторым – холопьями, сколько ни отменяй холопство. И сколько потом ни стреляй в тех, кто его отменил.

– Да и кто такой сязка? – пожал плечами Зиновий. – Тот же самый холоп, только сытый и непоротый... Но проблем вокруг и без этого хватает, доченька. Сязки – не самая большая из них, ты же знаешь...

Клара покачала головой:

– Это, папка, всё из одной оперы, всё – звенья одной и той же цепи. Маленький сязка – маленькие проблемы, большой – большие.

Он вздохнул: ещё какие!.. Поставил другую пластинку, Шульженко.

– Молодец землячка! – похвалил Зиновий. – Сколько времени ни пройдет, никакой прогресс не заменит искусство.

Клара задумалась на дольше. Посмотрела в окно, мимо их окна как раз проезжала «четвёрка», аккуратно держась штангами за электрические провода. Тёмно-коричневая кожа сидений уютно пахнет, только сейчас временно не для Клары, а для немногочисленных пассажиров: в субботу утром в троллейбусе народу немного.

– Знаешь, папка, я думаю, – проговорила она наконец, – что прогресс и цивилизация совсем не одно и то же. Скорее это – противоположности. Чем больше прогресса, тем в конце концов меньше цивилизации... Искусство – это часть цивилизации, как и Римское право. Или как «Война и мир».

Зиновий помолчал прежде чем ответить:

– Прогресс, если его довести до абсурда, превратит искусство в самодеятельность. Сделает его хорошим для всех, на все вкусы, как пирожки с ливером.

– Вот именно! – согласилась Клара. – А разве может культура быть массовой? Массовым может быть только бескультурье... Не дай бог настанут времена, когда «Война и мир» станет нравиться всем. Всем – значит никому.

– Или твой любимый Бенедиктов, – добавил Зиновий.

Клара рассмеялась:

– Если сязки скажут, что им нравится Толстой или Бенедиктов, я и того и другого разлюблю в знак протеста.

– А если они обманут? Стоит ли доверять сязкам?

– Ну что ты, папка! – весело воскликнула Клара. – У меня нет такого места, до которого мне были бы сязки вместе с их мнением. Моё мнение для меня намного важнее. А самостоятельность – как была, так и будет, никуда не денется.

– Вот именно, – сказал Зиновий. – У искусства и халтуры – только одно общее: они вечны. Ты заметила, конечно: чушь постоянно проявляет твёрдый характер, мягкий знак ей в этом не помеха.

И он пошёл на кухню разогреть сваренный Бертой рассольник.

VI

«Сильнее всего хочется думать о том, о чём думать не хочется сильнее всего», – не переставал думать Владимир Фёдорович.

«Тройка» дотарактела от Управления Южной железной дороги до Павловской площади. Виноват, «Розы Люксембург». Он вышел, а трамвай потарахтел себе дальше. Владимир Фёдорович вынул из светло-коричневого деревянного портсигара «Казбек», закурил, не опасаясь, что Мария увидит и рассердится, и не торопясь пошёл домой – через Николаевскую площадь, по Сумской. Ах да, «Тевелева», как же я забыл, что они её тоже переименовали.

Впрочем, Мария сейчас и не заметила бы, даже если бы увидела, что он курит...

«Клара права, – думал он не о самом главном, стараясь о главном как-нибудь не думать. – Зачем называть улицы именами людей? Всё равно ведь рано или поздно придётся переименовывать. Вместо «Розы» назвали бы, что ли, Розовой. А «Люксембург» – это что такое? Почему не Лихтенштейн или Монако?»

Но главное-то было совсем не это.

И не то, что вроде бы совсем недавно он водил Клару в зоопарк, вон там, дальше, в Саду Шевченко, а сейчас она уже права...

Не это, конечно. Думать хотелось совсем о другом – о том, о чём думать совсем не хотелось.

Он для этого и вышел из Управления раньше – чтобы постараться не думать. Или придумать что-нибудь.

Хотя что же тут придумаешь?

Как отвлечь Марию, он ума приложить не мог.

В сотый раз проямлить какую-нибудь ерунду вроде того, что три года – это всего ничего? Три года назад Миши ещё не было. Владимиру Фёдоровичу было всего лишь 47, через три – будет уже 53. Их, этих по три, не так уж, если подумать, и много...

Остаётся только – постараться не думать, но о главном хочется думать именно потому, что думать о главном больше всего не хочется. Даже если палец поцарапаешь до крови – как назло будешь браться им за что попало, сколько ни старайся уберечься.

Хотя и это ведь сейчас не главное...

Главное – как отвлечь Марию? Самому тоже нужно как-нибудь отвлечься, – но разве это не одно и то же?

Он с Кларой не успел нагуляться – думал, нагуляется с Мишей. А Мише-то – всего лишь полтора не года даже, а годика, ну, чуть больше, но всё равно, пока только годика.

Вечером, укладывая Мишу спать, Мария или Клара ложатся рядом с ним и тихонько поют его и свою любимую колыбельную песню:

Спят медведи и слоны,
Дяди спят и тётки.

Самуил пожимает плечами: «Зачем баловать парня? Захочет – сам заснёт». А они поют себе и поют:

Все давно спать должны,
Но не работе.

Миша старается не заснуть, открыть глаза пошире, но они у него хочешь не хочешь закрываются, и он засыпает.

Его или свою? Это пока одно и то же...

«Интересно, что бы они пели, если бы «Цирка» не было?» – улыбнулся Владимир Фёдорович, закуривая новую папиросу. – «Какие ещё есть убаюкивающие песни? Может, других и нет вовсе?... Цирк да и только».

Другие песни сейчас в голову не приходили. Вообще ничего не приходило, никаких нормальных слов, кроме всяких «Верхняя Касриловка», «Верхнедуриловка» и тому подобного. Всех этих «верхних» было пруд пруди, а вот как помочь Марии пережить три года, а главное – ближайшие три дня, он не знал. Думал, думал, и всё равно ничего не получалось.

Всё, что мог, Владимир Фёдорович делал. Но что он мог?

Особенно если они решат остаться там на дольше?

VII

Самуил и Владимир Фёдорович трудились в их и без того большой комнате, которой теперь, к сожалению, предстояло увеличиться. Мария Исааковна с Кларой были на кухне.

– Были сборы недолги,
От Кубани до Волги
Мы коней собирали в поход, —

пропел Самуил, заканчивая перевязывать очередную пачку книг. Самые тяжёлые из них – справочник лечащего врача и речи выдающихся русских адвокатов. Владимир Фёдорович тем временем паковал Мишины вещи, их получилось больше всего.

– Ваша верхняя Кацапетовка подождёт, куда не денется, – уверенно сказал Владимир Фёдорович. – Спешить некуда, главное – ничего не забыть. Всё-таки не в нижнее какое-нибудь собираетесь, а в верхнее. Статус обязывает.

– Согласен, Владимир Фёдорович, дорогой. Моя мама говорит: всё должно быть как следует быть.

– Как они поживают? Балашовка на месте?

– Спасибо, всё в порядке. В Балашовке у меня сомнений нет ни малейших. Папа работает на велозаводе маляром, Ида – на мыловаренной фабрике, мама дома. Майя уже в пятом классе.

– Не переживают, что надолго уезжаете?

Самуил не сразу ответил – возможно, потому, что принялся за новую пачку, с детскими книжками:

– Думаю, переживают...

И добавил весело:

– Три года – это не так уж много, уверяю вас. Как-нибудь и в отпуск в Харьков постараемся выбраться.

«Примерно столько, сколько в эвакуации, – молча возразил Владимир Фёдорович. – Три года назад ещё и Миши не было...»

– Может, собаку имеет смысл завести? – спросил он, чтобы не возражать вслух. – Деревня есть деревня, ну её к аллаху. Хоть и верхняя. Вам бы собака в вашем хозяйстве не помешала. А то вся надежда – на вашу Надю, как я понимаю.

Самуил воскликнул брезгливо:

– Собака в доме?

И тут же добавил:

– Да хоть и во дворе. Я сам буду служить, только бы не воняло псиной.

Миша оторвался от игры и со вкусом повторил новое слово несколько раз, делая ударение на «с»:

– Псиной! Псиной! Псиной! Псиной!

«Какие вы, Антоша, слова произносите!» – наверняка сказала бы Клара, но она и Мария Исааковна были на коммунальной кухне.

VIII

На майские праздники Миша здорово напугал маму и даже Владимира Фёдоровича, которого вообще-то никогда не пугал – чем он мог напугать Владимира Фёдоровича? Клара пришла, кажется, из библиотеки, Мария Исааковна встретила её более обеспокоенной, чем обычно.

– Клара, ребёнок что-то просит, я ничего не понимаю.

– Мама, – удивилась Клара, – Митуся уже хорошо говорит. Как можно его не понять?

– Ну, так сама спроси у него. Бедный ребёнок, даже я уже выбилась из сил, а ему каково?

Клара взяла Мишу на руки.

– Митулик, чего ты хочешь? Скажи маме, не держи в тайне.

Миша был зарёван и изнурён.

– Абликоти тутоние... – заикаясь, произнёс он и снова заплакал.

– Чему вы его с Самуилом научили? – улыбнулся Владимир Фёдорович. – Таких слов не бывает.

– Петкевич! – перебила его Мария Исааковна. – Ну вот чему ты улыбаешься?

Владимир Фёдорович пожал плечами:

– Так что ж, мне тоже плакать? Давай заплачем хором, Мишутка.

Клара встревожилась.

– Митуся, – ласково спросила она, ставя сына на пол, – скажи как следует, ты же умеешь.

Миша попробовал не заикаться и повторил:

– Абликоти тутоние.

– Второй час бьёмся, – вздохнула Мария Исааковна. – Я уже просто не знаю...

Миша снова зарыдал.

– Ну Митутка хочет, – пробивалось сквозь слёзы. – Ну Митутка плёсит!.. Абликоти тутоние!..

Клара скорее озадаченно, чем строго посмотрела на Мишу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.